

РОССИЙСКИЙ
СОЦИУМ
И СФРАГИСТИКА

Соответствовал устному процессу способ вызова в суд. Согласно Русской Правде, истец сам заботился, чтобы ответчик являлся на суд, однако не исключается, что вызовом (доставкой?) туда занимались особые лица, исполнявшие судебные функции. Форма вызова многим исследователям русского права кажется не определенной²⁰. Особенности древнерусского судопроизводства, насколько его отражают статьи Русской Правды, как будто отрицают саму возможность использования «печати вызова». В то же время нельзя исключить предположения, что судебным служащим, предъявляющим печать вызова (*sigillum citationis*), был упоминаемый в памятнике метельник, метник (он же метальник, митник). Как известно, этот термин происходит от слова «мета», «метить».²¹ Аналогию можно найти в раннем венгерском судопроизводстве XI—XII вв., где упомянуты судебные чиновники (первоначальная судебная компетенция их мало известна), которых по имеющейся у них печати (так называемому клейму) называли «клеимщиками»²².

Современные историки права, так же как и их отечественные предшественники, не включают печати в качестве предмета исследования в изучение ни судебного процесса, ни системы доказательных средств, ибо они в целом не вносят существенных коррективов в общую сумму знаний и представлений о средневековом русском праве. Подвергнув более тщательному изучению различные правовые памятники — Русскую Правду, княжеские уставы, Судебники XV—XVI вв., — отечественные исследователи (это прежде всего историки) лишь детализировали общую концепцию древнерусского права, подчеркивая, что оно создавалось на русской почве, отражало те общественные отношения, которые сложились на Руси, и закрепляло порядки, обусловленные природой древнерусского феодального общества²³.

При подобном, постулированном, подходе без внимания остаются «мелочи», способные высветить многие ракурсы широкой панорамы развития русского права, например возникновение и эволюция института печати.

Нормы, относящиеся к печатям, наличествуют в таких русских правовых памятниках, как Псковская Судная грамота, Новгородская Судная грамота, Двинская уставная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., и в более поздних. Известно, что, несмотря на существование в Древней Руси довольно развитой системы гражданско-правовых норм, включающих отношения собственности, обязательственного,

---

ствительно, на этот факт (ст. 74 Пространной Правды) мало кто обращал внимание. В отличие, например, от комментариев «Памятников русского права», в современных комментариях этой статьи ничего не говорится о «писце». См.: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 69, 108—109.

²⁰ Беляев И. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г. // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 3. Кн. 1—3. С. 98—99.

²¹ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 121. Метельник упоминается в ст. 9, 107 Пространной Русской Правды.

²² Чизмадия А., Ковач К., Асталош Л. М. История венгерского государства и нрава. М., 1986. С. 40.

²³ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 24.

По-видимому, близкое к подобному пониманию печати известие содержится в ст. 28 Краткой Русской Правды, упоминающей «пятно». Отражением подобного восприятия печати является древнерусский перевод Эклоги, который был осуществлен в XI в.: слово «σφραγίζω» переведено «назнаменати»³³ вместо «приложить печати»³⁴, что соответствует правовому представлению переводчика о печати как знаке-метке — «знамени». (На временные особенности древнерусского перевода, выражающиеся в специфике интерпретации греческого текста русским переводчиком Эклоги, обратил внимание Л. В. Милов³⁵.) Термин «σφραγίζόμενος» переведен как «знаменатый» также в «Земледельческом уставе»³⁶ — составной части «Книг законных», перевод которых на Руси относят к XII в. Издавший их А. Павлов считал, что «переводчик <...> делал все, чтобы приблизить византийские законы к русскому быту и понятиям»³⁷.

Однако в нормах Прохирона, полностью переведенного на русский язык, как полагают, во второй половине XIII в., σφράγис (σφραγίδεξ) переводится только как «печать» («печати»). В Прохироне «знаменати», «знаменовати» заменяется на «запечатлети»³⁸.

Печать на Руси в XII в. приобретает уже утвердительную функцию, о чем свидетельствует публичный акт XII в. — Жалованная грамота киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю³⁹. Правда, утвердительной формулы в грамоте нет, печать же (позолоченный аргировул) «моложе грамоты на сто лет и является подложной»⁴⁰.

В начале XIII в. в грамотах смоленских князей печать как утвердительное средство упоминается в корроборационной формуле внешнеполитических актов⁴¹. Здесь удостоверительная функция печати, как говорится, налицо.

В контексте современных представлений о формировании правового статуса печати должен быть поставлен вопрос о становлении удостоверительного «инструментария» частного акта на Руси, к которому она относится. С. Н. Валк справедливо

родопроисхождение, собственность, производство». См.: Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии. Л., 1930. Т. 2. С. 193.

³³ «Мерило Праведное» по рукописи XIV в. / Изд. под набл. и со вступ. ст. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Л. 176 об.

³⁴ Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 52.

³⁵ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 158 и след.

³⁶ «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы, земельные, уголовные, брачные и судебные / Изд. А. Павлов. СПб., 1885. С. 55—56.

³⁷ Там же. С. 17, 28.

³⁸ «Мерило Праведное...» Л. 281 об.

³⁹ ГВНП. М.; Л., 1949. № 81.

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 16—21.

⁴¹ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 25, 54.

самого продающего рукою или от иного напишет, по(д)пишет же продаю(щий)»⁷². Таким образом, письменно заключенная сделка о купле-продаже считалась действительной только тогда, когда договор написал сам продавец своею рукою или при написании другим лицом он был подписан продавцом.

На Руси собственноручная подпись не использовалась примерно до XVI в. даже в практике оформления завещаний Северо-Восточной Руси⁷³, где согласно соответствующим нормам Эклоги и Прохирина, казалось бы, могла найти применение. А печать продавца обязательно прилагалась к купчим Северо-Восточной Руси, о чем особо сообщалось в корроборационной формуле: «А запечатал Иван Семенович своею печатью»; «А запечатал есмь печатью отца своего господина игумена Трифона»; «А запечатал есмь своею печатью» и т. д.⁷⁴ Подобное персонифицированное использование печати придавало документу, который она скрепляла, то же значение достоверности, как если бы он был подписан собственной рукой дарителя или продавца. Степень доказательности подобного документа с печатью, т. е. роль его в судебном процессе в XIV—XV вв., не представляется еще до конца выясненной, однако приложение печати продавца или дарителя к определенным частным актам Северо-Восточной Руси, на наш взгляд, может явиться отражением вышеуказанной грани 14 Прохирина.

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о пересмотре существующей в научной литературе точки зрения на роль и значение византийского права в средневековой Руси. Наблюдения над становлением удостоверительного «инструментария» частных актов свидетельствуют, что соотнесение последнего с византийскими правовыми памятниками особенно заметно в Северо-Восточной Руси. Наши наблюдения увязываются с возрастанием интереса к византийским переводным памятникам в этом регионе⁷⁵, с распространением списков Эклоги в XIV—XV вв. в Московском великом княжестве, с предположениями, имеющими место в отечественной историографии по поводу «деятельного приложения к практике <...> Номоканона в тех его частях, которые имели для этого времени особенную важность», начиная с Ивана Калиты. А. Павлов в доказательство своего предположения⁷⁶ ссылается на приводимую И. И. Срезневским запись в Сийском евангелии, сделанную в 1339 г.⁷⁷ В ней содержится следующая похвала Ивану Даниловичу Калите: «Сему блгородному князю великому Ивану створшему дела подобна

72 «Мерило Праведное...» Л. 260.

73 Семенченко Г. В. Византийское право... С. 170.

74 См.: АСЭИ. М.; Л., 1952—1964. Т. 1—3.

75 Ščapov J. N. Le droit... S. 494.

76 «Книги законные...» С. 35—36.

77 Б. М. Клосс датирует «Похвалу Ивану Калите» 1340 г., сосредотачивая внимание исключительно на христианских добродетелях князя (Клосс М. Б. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 148). Датировка записи является предметом дискуссий, см. обзор точек зрения по данному вопросу в кн.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 332—337.

